

СУРГУТ

В начале всего были воды, свинцовые, пустые, холодные, текущие к океану под низкими лиловыми тучами. Утка черной стрелкой срывалась с протоков, долетала до пустынного седого разлива, терялась в слепом блеске синеватых полярных лучей. Одинокий чум был обшит сырой берестой. В пеньковых сетях тускло вспыхивала рыба. На тонкий берег, озаренный негаснущим светом, выходил сохатый.

Потом негромко застучали моторы. Катерочки, бросая дымки, засновали по берегам, по протокам, по узким таежным речкам. Выгружали палатки, тюки. Геологи раскрывали планшеты, отбивали азимуты на ржавых болотах. Захлопали в накомарниках, шестами щупая землю, комкая глину, песок. Просачивались, как ручейки, в глубину континента, проходя по красным коврам костяники, водянисто-яитарной морошки. И глухарь, поводя вороненой синью, смотрел на людей с низких еловых суков.

Высоко загудели светло-серые, с алой полярной отметиной самолеты, наполненные приборами, датчиками, длиннофокусными объективами. Летали месяцами, сжигая горючее, снимая плоские мутные топи. И потом в кабинетах ложились на стол сырые листы аэрофото-съемки, рентгеновские снимки земли. Аорты и вены рек. Пузыри дышащих болот. И люди с линзами шарили по чуть видимым рельефам равнины.

Спутники, напичканные оборудованием, виток за витком просвечивали туманы, зондировали с высоты, ло-

ленность ядер, связывает их в целое. И конечно же эти прерывные элементы, соответствующие ведомственным подразделениям, наиболее удобны, собирая в себя людей одной профессии, — эти контингенты компактны, мобильны, легко доставляются к производственным объектам в тайге.

К тому же, любопытно отметить, что эта тенденция — стягивать застройки в сверхплотные сгустки и разрывы между ними, куда, на освободившееся пространство, возвращается изгнанная природа, — эта тенденция начинает ощущаться и в традиционном городе, связанная с его сегодняшним видоизменением и развитием.

Конечно же, северный город Сургут или подобный ему, выдвинутый к полярному кругу или в Заполярье, ничего общего не имеет с традиционными проспектами, микрорайонами, бетонными призмами общетиповых домов...

Сургутский порт навеял нам эти мысли, ветряная гигантская Обь с горящими радугами, белоснежные самоходки, выруливающие на рейд. Город — черно-розовый на заре.

ющимся хлыстом антенны. А в кузове стоит новый зеркальный шкаф, бросает в глаза прохожим ясные отсветы.

Город стоит на нефти, во имя нефти.

Месторождение Западный Сургут, одно из многих в песчаных мешках под Западно-Сибирской равниной.

Тайга, рассеченная бетонными трассами. Мох и лишайник, содранные гусеницами. Гиалые черные лужи с пленкой нежнейшего спектра. Сырые цветы кипрея на горях. Легчайшие, как аэростаты, серебряные цистерны. Раскрытый дерн под ногой, и короткий изгиб трубы с дрожащим манометром, будто глянуло око земли. В соснах — гроздь насосных станций, красные стучащие сепараторы. Артезианская скважина с мельчайшей теплой пылью газированной термальной воды.

Тайга оплетена и уловлена в сеть проводов. Земля протернута трубами, кабелями. Бьется, пульсирует, отдает свои соки и жизнь. Ее продолбили, запустили вглубь щупы и иглы, отсасывают капиллярами нефть. Достают из непомерных глубин термальную воду и вновь, под давлением, закачивают в пласт, выжимая наружу черные сгустки. Перекачивают под землей гигантские нефтяные пузыри, загоняя их в ловушки. Месторождение, как огромное корневище, ушедшее к маслянистым клубням, и нефтепровод сочно и мягко уходит на юг, как стебель.

На этом стебле с потоком энергии, невидимые, подвешены соцветия далеких городов, блеск огней, людские несметные скопища. Там — роторы миллионов моторов, рев самолетов, рожденье младенцев, картины, стихи и симфонии. Цивилизация пульсирует, расцветает на этом стебле, сжигая в себе энергию нефти. А здесь

цветок иван-чая дрожит на ветру, пробив головой лопушный ржавый трек.

Ночью у пульта, в диспетчерской, одна среди тайги и растревоженных недр, девушка в джинсах нажимает лакированным ноготком на пестрые кнопки, словно на клавиши печатной машинки. Отключает и подключает насосы, резервуары и емкости. Регулирует непрерывный поток, несущийся по черной трубе. И за тысячи километров заводы чувствуют ее прикосновение. Весь гигантский далекий мир, как перфокарта, закодирован ее пальцами.

Когда-нибудь, подобная ей, нажимая на кнопки, подключит к Оби Енисей. А Обь подключит к Аральскому морю. А Мезень и Печору — к Волге. А Волгу на время отключит от Каспийского моря, направит в оренбургскую степь...

Вся планета у нас под руками. Природа слилась с человеком в нерасторжимый живой организм.

Над месторождением в соснах горит ртутным светом лиловая колба «Сириуса». Цветок кипрея под ней — неправдоподобный, зеленый, хрупкий.

На вырубленной таежной поляне буровая уходит в тучи мокрой сталью. Рыжий трактор застыл у вагончиков. Кипы масляных, с нарезками труб. Среди хлюпающего брезента, урчащих горячих дизелей — вахта в касках опускает в скважину металлические колонны. Автоматический ключ свинчивает их со скрежетом. Из небес с воем и гулом рушится красный крюк, вгоняет граненую штангу в сочащуюся рану земли.

Помощник бурового мастера Евгений Бондарев просматривает в вагончике данные химического анализа...

Их молодежная бригада приехала в Сибирь из Баш-

кирши. Там, в Башкирии, сложился костяк бригады, они познали друг друга, свои возможности, силы, испытали наслаждение от совместной работы. И когда все чаще в газетах, по радио замелькало имя — Сургут, они нюхом настоящих бурильщиков почуяли «большую нефть», решили ехать за ней.

Бондаревы, семья нефтяников, собрались на семейный совет. Еще раз перечитывали газетные вырезки, расстелив на столе под лампой карту Тюменской области. Прикидывали, взвешивали, и отец сказал Евгению:

— Поезжай, поразведай. Напишешь, как там...

И Евгений поехал с бригадой. Работая, описывал в письмах тайгу, Обь, обстановку на промысле, начальников и рабочих, зазывая своих в Сургут. «Тут не только вам, но и внукам моим нефти хватит». И родня приехала, встала у буровых.

Разрубая тайгу мечом своей вышки, выходя к Оби и снова погружаясь в дебри, он видел, как край и город копят в себе энергию, как подымаются над рекой этажи. Деревянный крестьянский Сургут с резными наличниками, ставенками, с огородами и колодцами, растворялся в железе, бетоне.

Сначала он жил в вагончике. Потом в деревянном сборном домишке. Потом его наделили однокомнатной отдельной квартирой. А теперь переехал в двухкомнатную. Город принимал его из тайги в свои кварталы, сушил, кормил, восстанавливал силы и вновь отпускал к тяжелому его призванию.

Тюменская нефть обильная, но трудная. Болота, трясины, — негде буровую поставить. Насыпают на болоте песчаный остров, и из одной буровой начинают сразу несколько скважин, десять, двадцать, веером, в разные стороны. Выходя из единой точки, они расходятся в недрах на несколько километров, добывая нефть с обшир-

ной площади. В этом наклонном движении нужна особая точность, скорость и темпы, чтобы трубы не залипли в грунте, чтобы не скривить канал.

Эти темпы не всякий выдержит. Здесь нужен опыт и мощь организма. Понимание с полуслова. Уменьше расслабиться на минуту и сжаться в стальной комок.

Победитовое долото уходит все глубже, и движения людей непрерывны, точны и мгновенны.

Пусть дождь или гнилые туманы, и верх буровой тонет в проносящихся тучах. Пусть мокрые снегопады на резком ветру, когда железо сочится и робы промокли насквозь. Пусть ледяные полярные ночи и размытые радуги сполохов. Они не уйдут с буровой.

Север раскаляет морозом их лица. Они чувствуют руками давление пласта. Над их головами — полыхание полярного космоса, а внизу — сложнейшая геология недр, перемолотые коронкой кости застывшего мамонта, ракушки древнего моря, пески отложений и глубокое вздутое месиво черной нефти.

Здесь, на северных топях, они не чувствуют себя в изоляции. Напротив, на этих пустынных ландшафтах отчетливей видны динамические процессы в стране. Кривая индустриального роста, график технического прогресса. Здесь новое не мешается со старым и отживающим, как в древних больших городах. Здесь все — технология, техника — самого последнего выпуска, выставочные образцы, проходящие крещение нефтью.

Парни знают, что за их буровой следит сейчас мир. Рокот их дизелей, глубокий ход турбобура отзывается в Йокогаме, Франкфурте и Дейтройте. Компьютеры в странах СЭВ, прогнозируя совместные пятилетние планы, берут на учет их дневную проходку.

Бригада — тот организм, которым, в сочетании с техникой, они добывают нефть. Организм, вечно живой и

подвижный, готовый мгновенно перестроиться в новых условиях, мобильно применить к новым задачам, со своим неписаным уставом и этикой, со сложной системой человеческих контактов и связей. И как любой организм, бригада растет, развивается. Выпускает из себя побеги и почки, — те, кто вначале ее составлял, руководят другими бригадами, образовали другие растущие ядра. Бригада принимает в себя новый сырой материал, шлифует его, выделяет из юнцов бурильщиков. Отбраковывает шлак — пьяниц, лентяев, прогульщиков.

Из Башкирии приехали все холостыми. Но потом на буровой зашумели свадьбы. И теперь семьями по воскресеньям выезжают на рыбалку, справляют рожденья детей, новоселья. Их дети родились в Сибири, в новейшем городе, и здесь им расти и крепнуть.

Буровая в ночи гудит напряженным железом. В прожекторе — блестящий пролетный дождь. Кажется, вышка и люди на ней плывут в дожде к океану.

Деревянные, обструганные рубанком столы с темными метинами сигарет. Дощатые скамьи. По стенам медная, в окалине чеканка: сбруя коней, шишаки. Стойка вдали, как пульт. Вспыхивает огоньками, малиновой вишенкой, кубиком льда. И можно сидеть, выставив локти на стол, с таким же, как ты, в черном обтянутом свитере, слушая тихий джаз, глядя, как загорается рог саксофона, круглится живой, расширенный глаз на затененном лице ударника. И Обь под низким дождливым небом несет ледяные волны. Мокнут суда под разгрузкой. Тайга в сырых испарениях. И на островах, лиловые, льдистые вдалеке, цилиндры нефтебазы.

Это кафе здесь ценят. Любят забрести в мягкую полутьму, где негромкие голоса, а под жестяными све-

тильниками обветренные красные лица, выпуклые загорелые лбы. И сиди, сжимая задубелыми ручищами хрупкую, как елочная игрушка, рюмку с некрепким алжирским вином. Вон еще один подошел, хлопнул кого-то нежно по тугой могучей спине. Вскинули головы, заухмылялись. Потеснились, давая усесться. Негромкий смех, звон стекла.

Их разговоры про дневную выработку и северные надбавки, про пуск агрегата, и где там застряли баржи с грузом рифленых панелей, и как приезжали канадцы, и в то воскресенье была неплохая рыбалка, и надо опять на вездеходе махнуть за морошкой, и в женском общезитии сменили дежурную, и опять нефтепровод будут обжимать не водой, а нефтью.

Приходят, уходят, сухие, поджарые. Двигают под сорочками, под модными джемперами упругими мускулами. Эти явились сюда, сбросив мокрые сальные робы. Целый день провели на буровых, под красным крюком, цепляя масляное железо, оглохнув от рева дизелей. Те несут еще в кулаках дрожание рычагов и сцеплений, — целый день на строительстве моста через Обь подымали на дыбы оранжевые бульдозеры, и небо хлестало по стеклам тяжелыми струями. А эти встают и уходят, чтоб через час натянуть на лицо маску с синим стеклом и в бетонной громаде ГРЭС, в перекрестьях железа, осыпать с высоты текущие синие ручьи сварки, водить языком автогена, упираться в стертую до блеска трубу, работая шлифовальной машиной.

Из стеклянной диспетчерской порта видно, как краны вращают жилистыми железными шеями, и радуга после ливня раскаленно горит над рекой, палит своим спектром, выходящую на рейд самоходку. Диспетчер по

рации аукается с далекими караванами. У бетонной стенки тесно от пришвартованных кораблей, сгружающих мешки с пшеничной мукой, мороженые говяжьи туши, панели зданий.

Здесь, в порту, видишь, из какого вещества создается город, во имя чего он создан. Во имя нефти качается на тросах под стрелой крана оранжевый бульдозер. Во имя нефти круглятся стальные кольца труб на огромной барже. Во имя нефти разгружают хрупкий хрусталь — вазы, рюмки и блюда, которые завтра засияют в домах у нефтяников.

Здесь, среди портовых круглосуточных ритмов, хочется осмыслить: что же такое — Сургут, этот новейший северный город.

В Сургуте судьба свела меня с архитектором-футурологом Константином Павловичем Пчельниковым, автором увлекательных гипотез, связанных с Городами Будущего. Он совершал теперь поездку по Северу, чтобы познакомиться с градостроительством в этом краю освоения.

В публикациях последнего времени, посвященных Сургуту, стало почти традицией награждать город — его первых создателей и позднейших проектировщиков — серией упреков, связанных с разбросанностью и расчлененностью частей, хаотичной дробностью застройки, несовпадением с классическими схемами, словом, полным самотеком первых этапов заселения, осуществлявшегося без предвидений и прогнозов. И вот теперь, задним числом, приходится надевать на непокорный город смирительную рубашку продуманной классической планировки, возводить микрорайоны с прострелами на Обь, выявлять центральный проспект, собирать из разрозненных частей административный центр. За тысячи километров завозят бетонные многоэтажные дома, подоб-

ные московским или ленинградским. Причесывают растрепанный город, придают ему привычный пристойный вид.

В свете этих упреков хотелось бы рассказать о Сургуте так, как мы его поняли и прочувствовали. Как он однажды открылся нам в скопище техники, складов и седых от времени крестьянских домишек, бетонных ревущих трасс и благообразных пятиэтажных зданий, с антеннами, ретрансляторами и «Орбитой», высывающей голову из-за развешенного на перевках белья. В этом кажущемся хаосе нам вдруг открылась гармония, в бессмысленном на первый взгляд нагромождении — смысл.

Сургут невозможно было предсказать и предвидеть. Он — экспромт, возникший на динамичном фоне нефтяных разработок, масштаб и характер которых и поныне не вполне очерчен, их открытие еще продолжается, а темпы добычи опережают прогнозы, ибо постоянно возникают новые факторы, форсирующие нефтедобычу. В этом смысле, город, идя вслед за нефтью, расширялся и продолжает расширяться ударно, неся в себе неожиданности самого процесса.

Он заселялся не постепенно и плавно, из года в год, из века в век, за счет внутреннего прироста населения, как большинство других городов. Нет, Сургут заселялся и строился силами далеких центров — Москвы, Ленинграда, Тюмени, забрасывавших в него крупные контингенты людей, жилища, технику. Это заселение напоминало стрельбу из дальнобойной артиллерии. Снаряды ложились в цель, на топкий берег Оби, с вполне допустимым разбросом. Удар снаряда — и создан порт. Еще удар — и база геологов. Следом — буровики. Затем — эксплуатационники. Следующими были заброшены энергетики, мостовики и так далее.

Подразделения после высадки сразу же начинали действовать, окопываться на плацдарме, создавая свои автономные опорные пункты. Высадка шла неодновременно, а с интервалами. Каждый выбирал удобное место, которое и до сих пор для него удобно. И вовсе не просто сдвинуть с места эти живые, дееспособные группы, подмяв их под общую классическую планировку, рожденную на иных пространствах, в иных условиях, в городах с иным назначением.

В дробности города есть свой закон и смысл. Как в древнем детинце, среди скопища разновременных башен, колоколен, палат, открывается сложное единство и красота, богатство протекавшей здесь жизни. Этот молодой, сверхсовременный город все же дает ощущение своей истории, имеет «развертку по времени», а это — редкое ощущение, которое надо ценить.

Своеобразно возникшее единство во множественности следует понять и выявить, придав ему архитектурно-пластическое выражение. Ибо Сургут — не классический город, а поселение нового типа, вызванное лавинообразным процессом освоения Севера.

Созданный во имя нефти, он не имеет сложившейся, разветвленной структуры внутренних культурно-экономических связей, многопеременного поля людских интересов и дел, существующего в других «многоотраслевых городах». Сургут заострен на нефть. Возник, как мощный протуберанец, из центра. И возникнув, Сургут оплодотворяет вокруг себя целую систему разбросанных поблизости и вдалеке городов и поселков, крупных и мелких вахт, действующих с ним заодно, — добывающих нефть.

Создана иерархия опорных пунктов, выставленных центром в топи и мерзлоте, в зоны, неблагоприятные для жизни, но баснословно богатые ресурсами. Сургут

следует рассматривать как звено в этой иерархии. Он — мобильная, высокоорганизованная, «комфортная» вахта, куда приезжают профессионалы выполнять свой чрезвычайно сложный труд. Завершая его, они отбывают обратно в центр, уступая место другим.

Постоянная циркуляция населения — реальный фактор его жизнедеятельности. Сам принцип вахтного метода освоения. И не суть важно, сколько времени длится вахта. Восемь часов, как на пригородной буровой. Или неделю, как на дальнем месторождении, куда людей доставляют вертолетами. Или три года, как в заполярном поселке Тазовском, куда приезжают по договору. Или десять, двадцать, семьдесят лет, как в Сургуте, — пока есть нефть. А при нынешних темпах выработки сроки эксплуатации месторождений резко уменьшаются. И можно предвидеть время, когда центр нефтедобычи, переместившийся сегодня на среднюю Обь, уйдет в Восточную Сибирь, на Енисей, или в шельф Ледовитого океана.

Сургут — производственная вахта крупного масштаба. Она сложилась гармонически, подчиняясь производственной необходимости. Прерывность, дробность застройки — ее важнейший признак.

Чем привлекательна эта прерывность? В разрывах и скважинах города сохранилась нетронутая природа, зеленые массивы тайги, раскрытое на природу пространство. Они естественно превращаются в зоны отдыха. Аэрация, солнце создают здоровую гигиену в городе, быстро за короткое лето уничтожая вредные зимние накопления, а это чрезвычайно важно для северных городов, страдающих от недостатка сжигающего отбросы солнца. Коммуникации между жилыми ядрами оказываются свободными от застройки, обеспечивают транспорту высокие скорости, а это компенсирует взаимода-

ва отражения и «пробы» от всех лосей и медведей, от кипящих огнем нерестилищ, от старой гнилой ладьи, помнящей здесь, на Оби, песни Волги и Дона, блеск железной кольчуги, цветной атаманский бунчук. Лаборатории из космоса тончайшим лучом проинкали в подземный купол, где под мокрым таежным войлоком, под сырым песком плавали пузыри черной гущи. Как зрачки, укрытые веками земли. И спутники ловили их невидимые подземные блестки.

На тихие берега, на маленькие желтые плесы, с грохотом, стуком подошли стальные баржи. Плавающие краны выгружали низкорослые вездеходы, приземистые, на болотных гусеницах тракторы. Железные, свернутые пружиной оболочки разворачивались в сияющие серебряные цистерны, и танкеры, выбрасывая шланги, накачивали горючее. Баржи подходили и днем, и ночью. Дымилась земля от огней и дождей. Хрустела тайга. Гремели взрывы. Прокладывались трассы. Бетонные плиты ложились на топи, и первые самолеты с воем приземлялись в тайгу. Буровые погружали победитовые сверла, дробили череп земли, прорывались к недрам. Пока не ударил первый черный фонтан, и буровик, обалдев от счастья, опускал расплющенные о железо ладони в теплую жижу, мазал ею себя по лицу.

Нефтепроводы в сияющих оболочках несли потоки тюменской нефти. Химические комбинаты принимали их в свои серебряные цилиндры и сферы. Совещались министры в Нью-Йорке, Токио, Бонне. Мировая пресса прогоняла сквозь ротаторы информацию о поставках, кредитах. А в тайгу продолжала ломиться стальная армада техники, и я гнал на трубовозе по бетонной трассе, вызванивая на стыках черными телами труб, и Сургут вставал впереди вышками ретрансляторов, энергопоездами, блоками пакгаузов, складами.

Сургут — во многом привезенный город. В него завезли не только жителей, но и многоэтажные дома, и зеленую траву для газонов, и посуду... Только луна в синеватых холодных тучах — своя, да пронзительный ветер с Оби, качающий на рейде прибывшие сухогрузы, косо несущий над лесом крохотный вертолетик.

Есть суровая красота и гармония в этом строящемся, незавершенном городе, в котором не увидишь старинных лепных фасадов, шатровых колоколенок и подворний.

Я иду по квадратным плитам, и самосвал с парным бетоном вываливает мне под ноги на железную арматуру свой дымящийся груз, отвоеывая для трассы еще кусок топи. На перекрестках вся современная грузовая техника несется в гари на больших скоростях, демонстрируя радиаторы, выхлопные трубы, борта всех мастей и расцветок. Обшарпанные энергопоезда доживают свой век на обрезках ржавеющего полотна. Нефтебазы и автопарки со штабелями разобранных буровых и погрузочных кранов обступили центральный проспект. «Орбита» тут же вращает стальной напряженной ракушкой. Ретрансляторы УКВ на пестрых мачтах развешили над городом свои тарелки.

И среди этих конструкций — рубленый бревенчатый град из красноватых смолистых бревен, терем, ладья — территория детского сада. Абстрактные скульптуры на газонах в микрорайонах, чеканка в окне ресторана.

Побывайте в Сургуте и вы лучше поймете, в чем пафос сегодняшнего освоения Севера, смысл грандиозной битвы за нефть. Вы почувствуете проблемы и парадоксы. Удивитесь неповторимости сочетаний.

Я иду по Сургуту. И меня обгоняет лязгающий вездеход, выкрашенный в боевую зеленую краску, с кача-